

Ю.В. Куперт, А.В. Луценко

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Рассматривается эволюция общественного сознания и обусловленные ею трансформации методов агитационно-пропагандистской работы с населением под воздействием событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. Оцениваются основные закономерности социальной идеологии, обуславливающие восприимчивость населения к политической агитации. Анализируются основные ошибки оппозиционных царизму общественных движений, делавших основной акцент на «эксцитативную» агитацию и возбуждение протестных эмоций вместо формирования политического мировоззрения. Детально анализируется агитационно-пропагандистская методика А.А. Богданова.

Ключевые слова: Русско-японская война; революция; социал-демократия; большевизм.

110 лет отделяют нас от Русско-японской войны. И хотя этот, говоря современным языком, региональный конфликт практически «потерялся» на фоне последующих мировых войн, мировоззренческие трансформации русского общества, порожденные событиями 1904–1905 гг., во многом определили дальнейшее развитие национальной идеологии в ее официальном и оппозиционном направлениях. Это касалось оценок войны, армии и государственной власти, которые наиболее точно характеризуют изменения в общественном сознании и мышлении российской интеллектуальной элиты, которая в годы Русско-японской войны впервые столкнулась с необходимостью строить идеологическую работу на основе *господствующих мировоззренческих представлений действительного большинства населения страны*. Подобная стратегия агитационно-пропагандистского взаимодействия партийных идеологов и масс повлияла на дальнейшее развитие революционного движения в России, обеспечив действительно массовую поддержку леворадикальных партий.

Целью исследования является реконструкция развития приемов и методов агитационно-пропагандистской работы официальных структур Российской империи (в первую очередь армии), а равно и оппозиционных царизму общественно-политических сил (либеральных и революционных) под воздействием событий Русско-японской войны. Особое значение для анализа пропагандистских методик имеет новаторская концепция ученого-просветителя социал-демократа А.А. Богданова (1873–1928) – единственного общественного деятеля, выполнившего по-настоящему детальный анализ причин, движущих сил, возможного хода и последствий войны. Этот анализ Богданов превратил в основу принципиально нового метода агитации и пропаганды, ориентированного уже не на возбуждение определенных эмоций и настроений (на что продолжали делать ставку другие лидеры-идеологи), а на формирование целостной системы представлений о политических событиях.

Степень исследованности данной проблемы не поддается однозначной оценке. С одной стороны, многочисленные и несомненные факты влияния Русско-

японской войны на общественное сознание, распространение в массах антимонархических, революционных идей и укрепление самых реакционных форм мировоззрения политической элиты всесторонне освещены и современниками событий, и специалистами-историками более позднего времени. С другой стороны, изучение данного периода истории зачастую ограничивается указанием тенденций (или, как теперь говорят, «трендов») развития общественной идеологии без учета изменения приемов и методов идеологической работы с населением. Более того, в историографии революционных событий 1905–1907 гг. и февраля – ноября 1917 г. основной акцент по-прежнему делается на *фактах* интенсивной политической агитации, а не на ее принципиальных *методах*, без детального анализа которых причины победы большевиков, бывших к 1917 г. далеко не самой влиятельной партией, оказываются не выясненными до конца, что открывает дорогу спекулятивным концепциям и даже прямому мифотворчеству.

Поскольку в новейшей историографии Русско-японской войны и последовавших за ней революционных событий 1905–1907 гг. приемы агитационно-пропагандистской работы антимонархических общественно-политических движений не подвергаются специальному рассмотрению, представляется целесообразным вернуться непосредственно к первоисточникам, а именно к свидетельствам современников и участников событий. Сопоставление точек зрения, представлявших официальную власть великого князя Александра Михайловича, кадрового военного разведчика А.А. Игнатьева и говоривших от имени антимонархической оппозиции либерального земца И.И. Петрункевича, лидера социал-демократов В.И. Ленина и других позволяет оценить не только состояние российского общества во время войны, но и определить основные политические силы, формировавшие социальную идеологию того периода. Особое внимание уделено работам Александра Александровича Богданова, предложившего собственную интерпретацию причин, движущих сил и перспектив Русско-японской войны и фактически определившего своей политической и просветительской деятельностью перспективы агитационно-

пропагандистской работы с действительным большинством населения Российской империи. Исследования историков А.А. Керсновского, А.И. Уткина и А.В. Шишова, посвященные Русско-японской войне и Революции 1905–1907 гг., а также публицистические произведения советского журналиста-международника В.В. Овчинникова по проблемам японской культуры помогли сделать получившуюся реконструкцию развития общественной идеологии более детальной.

Если рассматривать ситуацию, которая сложилась в мировоззрении русского общества после 9 февраля 1904 г. (когда японский флот без объявления войны атаковал стоявшую в Порт-Артуре русскую эскадру), то необходимо признать: тогдашнее общественное сознание оказалось неподготовленным ни к тяготам войны, ни к адекватному восприятию информации о деятельности государственной власти и вооруженных сил империи.

Это касалось не только интерпретации боевых действий и оценки состояния армии, хотя отзыв Николая II о солидном четырехтомном отчете командующего русскими войсками на Дальнем Востоке очень примечателен: «Отчеты ген[ерала] Куропаткина никоим образом не должны сделаться достоянием всех» [1. С. 289], – и это при условии, что царь ознакомился с этим документом только наполовину, прочитав лишь первые два тома. Причину столь резкой реакции монарха впоследствии пояснил видный военный теоретик Российской империи, генерал А.З. Мышлаевский, изучивший отчет более тщательно: «В настоящее время, когда со стороны врагов порядка делаются постоянные усилия революционизировать армию, сочинение генерал-адъютанта Куропаткина <...> будет губительно для духа многих войсковых частей и даст богатый материал для грязной полемики» [Там же]. Так официальная власть и элита армии оценивали информацию о русско-японской войне *из первоисточника*, к тому же изложенную *постфактум*.

Что касается остального русского общества, то в информационном поле для массового потребителя все, имеющее отношение к войне с Японией, было окутано плотным туманом секретности. Правда, правительственное окружение периодически муссировало слухи о существовании специальной программы, разработанной в царском дворце еще в 1895 г. в соответствии с планами властной элиты обустроить русский флот в акватории незамерзающих восточных вод. Эти слухи подхватил и опубликовал падкий, как и все американские журналисты, на сенсации С. Тайлор, который высказался довольно категорично о том, что Россия намерена «утвердиться на Печилийском заливе и найти свой естественный выход в его свободных гаванях, иначе все труды и жертвы долгих лет оказались бы бесплодными и великая сибирская империя осталась бы только гигантским тушиком» [2. С. 209].

В самой России расширяющиеся слухи воспринимали по-разному. Мысль о насущной необходимости проложить «путь к океану – Тихому и Великому» ради «бу-

душей истории» российского государства завладела умами весьма «вдумчивых людей», озабоченных судьбой родины и готовых оказать посильную поддержку царю в осуществлении его «большой азиатской программы» [Там же. С. 210]. Другие не возражали против того, что «основные вехи» русской политики поставлены верно, но сомневались в возможностях беспокойной России реализовать намеченные планы [Там же]: не будут ли блестящие замыслы погублены топорным исполнением задачи, поскольку в империи того периода «между политикой и стратегией <...> наблюдался совершенный разрыв» [3. Т. 3. С. 55].

Серьезным препятствием в любых трансформационных процессах России, связанных с военными конфликтами, не могло не быть состояние вооруженных сил, пошатнувшееся в первую очередь вследствие сокращения стратегической и тактической подготовки войск, когда в армейской жизни прочно утвердилась «куропаткинская хозяйственность» [Там же. С. 41]. Дело в том, что, «вступив в отправление своих обязанностей в первый день 1898 г., генерал А.Н. Куропаткин натолкнулся прежде всего на чрезвычайные затруднения, чинимые Военному ведомству министром финансов, совершенно не считавшимся с нуждами армии» [Там же. С. 38]. Традиция, не делавшая чести царскому правительству, возникла давно и привела на рубеже XIX и XX столетий к тому, что заседания министров более всего напоминали «соборания враждующих сторон. Это была постоянная борьба, постоянная грызня друг с другом» из-за желания «сосредоточить в своих руках возможно большую власть и стать, в понятии того времени, первым министром» [4. С. 141–142]. Словесная перепалка порождала личную неприязнь, выливавшуюся в межведомственную рознь: «Каждое министерство старалось оттянуть что-нибудь у другого, расширить пределы своей компетенции за счет другого <...>. Каждый законопроект любого министерства давал другому повод подсесть, раскритиковать, вообще причинить какую-либо неприятность, и отношения между ведомствами казались злой пародией на “войну всех против всех”» [Там же. С. 141].

Чаще иных в выигрыше оказывалось министерство финансов: слишком мощными были рычаги его воздействия на соперников. Как ни пытался, например, А.Н. Куропаткин защищать интересы военного министерства, ему, как и его предшественнику П.С. Ванновскому, не удавалось привлечь на свою сторону государственных распорядителей денежных ресурсов. В итоге на армейские нужды «из 455 миллионов рублей чрезвычайных кредитов на пятилетие 1899–1903 годов <...> министром финансов было отпущено всего 160 миллионов – третья часть» [3. Т. 3. С. 38]. Поскольку перевооружение войск по стандартам наступающего XX в. требовало много больше заявленных расходов, то уменьшение втрое доли военного ведомства в государственном бюджете срывало все планы по повышению обороноспособности России на уровне мировых держав. Выделенных средств едва хватило на оснащение армии

магазинными винтовками и на обеспечение артиллерии трехдюймовыми скорострельными пушками. Но и этот процесс перевооружения «по минимуму» не состоялся по ряду причин. Одной из них явилась проблема, возникшая на Путиловском заводе, персонал которого, произведя полторы тысячи орудий, на испытаниях обнаружил некоторые дефекты, из-за чего поставка пушек для артиллерийских бригад была заморожена [3. Т. 3. С. 40]. После устранения неполадок «пушка образца 1900 года с буферным накатником оказалась <...> превосходным зенитным орудием» (а в ходе Первой мировой войны – еще и одной из лучших полевых пушек), но поступила на вооружение только в 1903–1904 гг., да и то лишь в пограничные округа [Там же. С. 44].

Подобные ситуации на военном производстве возникали отнюдь не по причине инженерной некомпетентности специалистов-разработчиков вооружений для русской армии, которым приходилось из неподходящих, зато более дешевых материалов создавать, что называется, «тришкин кафтан». Дело было в отвратительном финансировании, возмутительным образом урезанном якобы «из похвальной экономии» [Там же. С. 42], – в той особой системе денежного снабжения, своевольно навязанной всем министерствам главой финансового ведомства. Такое стремление регулировать по своему усмотрению хозяйственно-экономическую деятельность всей страны приводило к тому, что, например, военному министерству приходилось торговаться буквально из-за каждого рубля. Куропаткин был вынужден самостоятельно изыскивать средства не только на переоснащение армии, но и на строительство военных коммуникаций, на обеспечение войск амуницией, одеждой и довольствием [Там же. С. 40].

Такого рода деформация функций армейского командования не только негативно влияла на управление войсками и вызывала отторжение в среде патриотически настроенного офицерства, но и порождала весьма специфические умонастроения образованной части русского общества. В лексиконе начала XX в. в качестве устойчивого идиоматического выражения закрепилась фигура речи «паркетные генералы», которая этимологически восходила к трансформации смысла понятия «полотеры», употребляемого еще Александром I для обозначения дворянства и придворных [5. С. 386]. Когда после Отечественной войны 1812 г. «все начальники и генералы занялись лишь фронтальной муштрой», а «военные качества заменились экзерцицимейстерской ловкостью», потому что «идеально марширующий строй уже не удовлетворял – требовались “плывущие стены”», то в армии появились «в числе главноначальствующих танцмейстеры, фехтмейстеры, еще и Франкони (известный балетмейстер итальянской оперы в XIX в. – Ю.К., А.Л.) найдется» [3. Т. 2. С. 12–14].

Цесаревич Константин Павлович в связи с этим писал: «Ныне завелась такая во фрунте танцевальная наука, что и толку не дашь» [Там же. С. 12], для какой цели так резко поменялись критерии, обеспечивавшие

карьерный рост офицеров. Оказалось, в генералы «проходили» те, кто умел «равнять носки гренадеров» [Там же. С. 14]. А когда армию стали «довольствовать “без расходов от казны”» [Там же. С. 40], все помыслы генералов сводились к тому, чтобы добыть средства на содержание вверенных им воинских подразделений и показать хорошие результаты во время прохождения «церемонным маршем перед государем» [Там же. С. 40]. Вот и приходилось строевому офицерству заискивать перед вышестоящим начальством, уподобляясь «паркетному шаркуну, пустому, но ловкому человеку» [6. Т. 3. Стб. 40], лавирующему между обеспечением боеспособности армии и угождением сильным мира сего.

По нормам «самоокупаемости» каждого командира обязали «заставлять» его войсковую часть «работать на самое себя, отвлекать людей на работы, ничего общего с военным делом не имеющие, и требовать в то же время совершенства в этом последнем» [3. Т. 3. С. 41].

Офицеры больше не испытывали чувства гордости за свою службу, не стремились воспитывать патриотический дух, боевые навыки и военную выправку солдат. Преданной забвению оказалась и воинская этика. Отныне «в нормальных условиях молодой солдат находился лишь первые четыре месяца своей службы, когда обучался собственно военному делу. По истечении этого установленного законом времени, всевидящее фельдфебельское око намечало в строю молодых солдат будущих сапожников, портных, слесарей. Не попавшие в эти ремесленные цехи проходили главным образом караульную службу» [Там же]. Они же исполняли обязанности городских при нехватке полицейских сил или участвовали в ликвидации беспорядков при разгоне демонстраций и иных политических акций [Там же. С. 42].

Система «экономии» вносила свои коррективы во все аспекты жизни прославленной царской армии, доведя в конце концов принцип «хозяйственности» «до геркулесовых столпов» [Там же. С. 41]. Подчинив все помыслы командиров подразделений задачам самообеспечения, военное ведомство всячески поощряло действия тех, у кого дело было поставлено на широкую ногу. «Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отнимать все силы войск и все внимание начальников. Офицеры превратились в артельщиков и каптенармусов – некому было посещать тактические занятия. Вся служба, в частности ротных командиров, стала заключаться во всевозможных экономических покупках, приемах, сортировках, браковании, проверках разных отчетностей, отписке бесчисленных бумаг и бумажек <...>. В русской армии конца XIX в. “хозяйственность” проникала всю армию сверху донизу <...>. Начальство умилялось <...> доброкачественностью сапожного товара, заготовленного без расходов от казны. Капитан, изобретший новый способ засолки капусты, приобретал почетную известность в дивизии, ко-

мандир полка, у которого кашу варили пятнадцать различными способами, аттестовался “выдающимся”. Все помыслы и устремления были направлены на нестроевую часть <...>. Нередко создавалось положение, при котором треть всего состава несла караульную службу, треть отдыхала, а треть была занята хозяйскими работами. В результате полезный срок службы солдата вместо 4 лет, как правило, был 4 месяца» [3. Т. 3. С. 41, 42].

Знал ли об этих порядках в армии царь? Конечно, знал. «Хозяйственность» была заведена еще до Куропаткина его предшественником Ванновским – во времена, когда Николай Александрович Романов, наследник русского престола, «по желанию своего державного отца служил младшим офицером в 65-м пехотном московском полку (первый случай постановки члена Царствующего Дома в строй армейской пехоты). Наблюдательный и чуткий цесаревич ознакомился во всех подробностях с бытом войск и, став Императором Всероссийским, обратил все свое внимание на улучшение этого быта» [Там же. С. 37]. Он заботился о хорошем питании для солдат, повышении окладов и пенсий обер-офицеров, учреждении заемных капиталов, организации досуга и т.п. Но, как оказалось, все перемены поглотили свыше половины средств, отпущенных военному ведомству минфином [Там же. С. 37, 38].

Разумеется, противоречить царю никто не решался. Но то, что после исполнения распоряжений Николая II за счет бюджета положение в войсках не улучшилось, а ухудшилось, – стало ясно довольно скоро, особенно в тех частях, где «начальники, казалось, соревновались в том, кто из них в кратчайший срок дезорганизует свою дивизию» [Там же. С. 40]. Умеряли пыл лишь тогда, когда возникало опасение «осрамиться на царском смотре» [Там же]. Что касается собственно военной выучки, то в русской армии по большому счету все было поставлено так, будто командиры вооруженных сил России имели перед собой задачу навсегда распрощаться с главными принципами суворовской «Науки побеждать», в которой записано, что вдохнуть в армию любовь к Отечеству, желание его защитить, повысить боеспособность и готовность к ратному подвигу можно только в том случае, если в рядовом разбужена храбрость, в офицере – неустрашимость, а в генерале – мужество. Военачальники отрунули и систему воспитания войск генерала Драгомирова, который ориентировал батальонных и ротных командиров на индивидуальную работу с каждым солдатом – этой «святой серой скотинкой» [Там же. С. 23–24].

Царь не мог не знать сути происходившего: из-за того, что профессиональные воины были поставлены в фактическое подчинение финансистам и потребности вооруженных сил империи удовлетворялись по остаточному принципу, основные функции армии оказались отодвинутыми далеко на задний план. В этой ситуации главе государства оставалось только одно: *упо-*

вать на прирожденную храбрость русского солдата, на его веру в бога, царя и отечество. Николай II с детства был знаком с притчами, подпитывающими убежденность всех членов императорской семьи в непобедимости русской армии, с сентенциями, формирующими уверенность в том, что «француз умирал за славу, за белое знамя, за императора – и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал на краю света “за все большую и большую Британию” и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу “за други своя” <...>. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков <...>, – то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: “не нам, не нам, а Имени Твоему”» [3. Т. 1. С. 12]. Недаром же со времен Петра Великого русский солдат так говорил о себе: «У меня-молодца четыре отца – бог, царь, духовник, родной батюшка». Когда за спиной воина столько дорогого уму и сердцу, требующего защиты, он обороняется до последнего – и побеждает. Прусский король Фридрих II так и говорил о русских солдатах: «Этих людей легче перебить, чем победить» [Там же. С. 12]. Вот почему Николай II был спокоен за свою армию, вопреки неурядицам в ней.

Однако царя тревожило внутреннее состояние империи. Известная фраза министра внутренних дел В.К. Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» [7. С. 343], – не утешала, а скорее поражала откровенным цинизмом, но, получив огласку усилиями либеральной оппозиции, не смягчила, а напротив, обнажила всю беспомощность правительства перед очевидным кризисом власти. Желание царизма погасить внешней войной недовольство общества внутренней политикой самодержавия напоминало попытку утопающего схватиться за соломинку ради своего спасения. Теоретики российской социал-демократии ситуацию, открывшуюся столь недвусмысленно, не приняли в качестве повода для основательного изучения реального экономического и социального состояния страны. Поскольку РСДРП, особенно интеллигенция «меньшинства», довольно тесно сотрудничала с «освобожденческими» кружками в 22 крупнейших городах России вплоть до создания «Союза Освобождения» во главе с И.И. Петрункевичем и Н.Ф. Анненским [8. С. 64–65], то у идеологов пролетарского движения был неплохой шанс изучить статистику земств. Богданов писал по этому поводу так: «В <...> русской действительности <...> имелся огромный материал наблюдений, статистических и бытовых, собранный земскими работниками» [9. С. 71]. Только опираясь на него и освещая «с новой точки зрения» – марксистской, можно было не ошибиться в стратегических расчетах. Правда, «это – нелегкая, долгая работа» [Там же].

Во-вторых, существовала еще одна возможность разобраться в ситуации, которая привела Россию к войне, – дополнить картину реального состояния страны

за счет информации по линии международных отношений. Сведения об этом имели хождение в аристократических кругах: дворяне-«зубры» и завистливые царедворцы, «жадной толпой стоящие у трона», – все они, не таясь, муссировали тему попустительства кучке «беспринципных петербургских дельцов во главе со статс-секретарем Безобразовым» [3. Т. 3. С. 56]. Команда этого человека с говорящей фамилией «решила организовать консорциум для разработки лесных богатств на реке Ялу, вдоль корейско-маньчжурской границы. <...> Они стали устраивать на Ялу ряд факторий, формировать с помощью военных и гражданских властей вооруженные отряды и распускать слухи о том, что они намерены присоединить эту область к России. Слухи эти чрезвычайно беспокоили японское правительство и до крайности раздражали японское общественное мнение» [Там же]. Для беспокойства и раздражения у японцев имелись более чем весомые основания, поскольку «в состав “безобразовской клики” входили князя Юсупов и Щербаков, графы Воронцов-Дашков и Сумароков-Эльстон, контр-адмирал Абаза, крупные помещики Болашов, Родзянко, Воронцов, а также великий князь Александр Михайлович <...>. “Безобразовская клика” во многом способствовала тому, что в российских правительственных кругах все большее распространение получила идея присоединения к России северной части Маньчжурии по аналогии со среднеазиатскими территориями. Даже неофициальное название появилось – “Желтороссия”. Самодержец Николай II Романов стал поддерживать такую идею, и в июле 1903 года учреждается царское наместничество на Дальнем Востоке – по примеру Кавказа и Польши (Царства Польского)» [1. С. 67].

Не меньше, чем японцы, возмущались маньчжурскими событиями и российские политики, полагая, что не доведут империю до добра затеи камергера Безобразова, адмиралов Алексеева и Абазы и их окружения: за их жажду наживы, «за их лесные концессии, которые они взяли на Ялу, под самым носом у японцев, привыкших уже считать себя здесь хозяевами, придется дорого расплачиваться всему государству» [10. С. 143]. Параллельно с этим в аристократических кругах России злословили в адрес С.Ю. Витте, «который ухлопал миллион на постройку города Дальнего и создал на казенные деньги Русско-Китайский банк, финансировавший дальневосточные аферы» [Там же] высокопоставленных ловкачей. Мало того, этот «всемогущий министр финансов <...> настоял на переводе кораблей в состоянии “вооруженного резерва”» [3. Т. 3. С. 55], чтобы сэкономить на техническом обслуживании флота. Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев не слишком огорчился, когда ему было отказано в кредитах на оборону: на генерала А.Н. Куропаткина маневры японской армии летом 1903 г. произвели такое впечатление, что он заверил Петербург: «Войны с Японией не будет» [Там же].

В столице легко поверили выводам Куропаткина – тем более, что российские «паркетные генералы» не

просто систематически игнорировали сведения из многочисленных и разнообразных источников, если те не совпадали со стереотипными представлениями о японцах как о «диких азиатских макаках». Проблема была в том, что царедворцы в погонах вовсе отказывались знакомиться с военным опытом современности, и прежде всего с достижениями восточного соседа – японской императорской армии. Совершенно феноменальные успехи в войне с Китаем, когда в течение лета 1894 – осени 1895 г. японцами были заняты вассальное Китаю Корейское королевство, Пескадорские острова, Тайвань и прибрежная часть Маньчжурии [1. С. 40–42], так и не стали объектом изучения ни в российском Генштабе, ни в окружении дальневосточного наместника адмирала Алексеева, хотя основная тактика и стратегия японцев – высадка массированных морских десантов при артиллерийской поддержке броненосных кораблей – была открыто продемонстрирована *еще за девять лет до войны с Россией. Но в течение этих девяти лет не было разработано ничего для эффективного противостояния японским боевым приемам* [10. С. 105–106] – у столичных генералов явно были другие интересы и заботы. И дело здесь было вовсе не в недооценке «азиатских туземцев», как может показаться на первый взгляд, ведь и европейский боевой опыт был столь же явно проигнорирован высшими российскими военными: уже в 1899–1900 гг. британская армия, сражавшаяся против бурских республик в Южной Африке, была вынуждена внедрить целый ряд принципиальных новинок – от мундиров защитного цвета до броневых щитов на полевых пушках и от пулеметов до бронепоездов. *Но за четыре года до начала войны с Японией ничего этого не было задействовано в практике российской армии*, хотя английские новшества успели освоить не только активно готовившиеся к войне с Россией японцы, но и ни с кем в тот момент не намеренные воевать американцы [Там же. С. 171].

Подобное отношение к результатам непосредственного боевого опыта иностранных армий объяснялось прежде всего придворным статусом российских военачальников, определявших основной порядок функционирования армии: своей главной задачей «паркетные генералы» видели не столько обеспечение максимальной боеспособности армии при оптимальном финансировании и снабжении (а главным в действительности является именно это), сколько *собственный карьерный рост, связанный с эффективным выполнением отчетных мероприятий* начиная с комплектования воинских частей и заканчивая демонстрацией их выучки на маневрах и парадах [Там же. С. 68–69, 70, 86–87, 92, 125, 132–133]. Что до немногочисленных генералов с боевым опытом (вроде того же А.Н. Куропаткина), то их тактические и стратегические навыки были сформированы в условиях туркестанских походов, когда русским регулярным частям противостояло плохо организованное ополчение не крупных и слабых в военно-экономическом отношении феодальных государств.

Естественно, что *такой* боевой опыт не мог способствовать объективной оценке сил противника, подобного японской армии: с точки зрения генералов-туркестанцев, понятия «азиатская страна» и «легкая победа» были едва ли не синонимами, и развеять это заблуждение смогли лишь реальные сражения в Манчжурии.

Идеологи РСДРП демонстрировали столь же прохладные отношения к военно-политическим сведениям с Дальнего Востока, где на глазах изумленного мира буквально за десятилетие из экзотически-декоративной страны бумажных зонтиков и расписных вееров сформировалась вполне современная империя, мощная в военно-техническом отношении и потому обладавшая немалыми амбициями в международной сфере. Вообще в среде российской интеллигенции наивно верили, что «раз в Гааге были подписаны державами, и Японией в том числе, бумажки об “арбитражах” и третейских разбирательствах, то всякая возможность войны тем самым устраняется» [3. Т. 3. С. 58]. Так что не только вожди пролетарского движения допустили недооценку ситуации: вплоть до объявления войны «считать Японию великой державой никто не желал» [Там же]. Беда крылась еще и в том, что, как отмечал известный советский историк академик А.Л. Нарочницкий, исследовавший политику мировых держав на Дальнем Востоке, даже «царские дипломаты, за немногим исключением, проявляли почти полное незнакомство с внутренней жизнью и внешней политикой Японии и с ироническим пренебрежением относились к агрессивным выступлениям политических деятелей и прессы, не понимая надвигающейся с этой стороны угрозы» [1. С. 46]. Что уж тут говорить о чиновниках военного ведомства или об оппозиционной общественности?! В России практически никто не интересовался информацией о стране, с которой назревал военный конфликт. Анализ возникшей ситуации тоже не входил в планы властвующих и тех, кто величал себя «властителями дум» нации.

То, что проблема начавшейся войны должна была получить всестороннее осмысление, выяснилось почти сразу же после объявления мобилизации вооруженных сил империи. Однако оппозиция привычно ограничилась тактикой возбуждения антиправительственных настроений в войсках, отправляемых на фронт. В условиях полной неясности всего и вся лишь комитетчики-практики РСДРП, вооруженные богдановскими методами работы с массами (т.е. ориентированные на формирование у целевых групп рационального понимания политических событий вместо разжигания протестных эмоций), пришли к убеждению, что воздействие экзотического свойства изначально малоэффективно и недопустимо с нравственной точки зрения, поскольку предназначалось людям, которых одни – армейское начальство – по приказу властей отправляли за тридевять земель воевать неизвестно где, непонятно с кем и неясно ради чего; а другие – невоенные господа – скрытно, тайком звали к борьбе с «царскими сатрапами» и к непови-

новению армейским начальникам, за что по законам военного времени полагался расстрел. Выбора у солдата, как говорится, не было: если дальневосточный поход давал ему какой-никакой, но все же шанс выжить и вернуться героем домой, то для взбунтовавшегося «нижнего чина» конец был один – позорная смерть предателя. Так что, если уж умирать, то лучше на ратном поле.

Но душа болела и не находила утешения, потому что все мысли растревоженного солдата неизменно возвращались к семье, к родным, к детям: «Вот <...> за чужую землю <...> помру, а своя-то осиротеет! Кто ребят будет кормить <...>? <...> Мне больше внутри болит, за семью болит, все думаю, кто им поможет?» [10. С. 197].

Япония дала Российской империи «два драгоценных дня для принятия элементарнейших мер»: 24 января 1904 г. токийское правительство недвусмысленной нотой разорвало дипломатические отношения с Петербургом, а «в ночь с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали нашу эскадру на артурском рейде» [3. Т. 3. С. 58]. Военное ведомство не успевало привести армию в боевое состояние, понимая, что поздно хватилось. Много лет у командования голова не болела, что в условиях потенциально возможной войны физическая и моральная готовность вооруженных сил оставляла желать лучшего.

Во-первых, довольно скоро обнаружилось, что армия «засорялась физически негодным элементом»: в соответствии с Уставом 1874 г., из-за «абсурдной жеребьевки» «людей отрывали от семьи и занятий, одевали, снаряжали, довольствовали, везли на край света и там убеждались, что они не годны к службе!» [Там же. С. 104] Для командования не было большим секретом, что внутри действующих войск всегда наличествовала «инвалидная армия», которая в период Русско-японской войны насчитывала, согласно официальным данным, 52 340 человек [Там же]. Можно себе представить, какие тяготы ложились на плечи боевых полков и дивизий: ведь именно им приходилось расплачиваться за управленческую беспомощность военных чиновников.

Во-вторых, командование не пеклось и о моральной подготовке армии к военным событиям. Даже не все офицеры знали, что Япония – островное государство, что это противоречивая и малопонятная для русского солдата чужая земля. Офицеры были настроены, что это – «экзотическая страна мимоз», и не предполагали столкнуться с нею в облике «страны шимоз» [Там же. С. 58] (шимоза, точнее «шимозе» – японское название осколочно-фугасных снарядов большой разрушительной силы, начиненных пикриновой кислотой. – Ю.К., А.Л. [11; 12. С. 194–195]). Поэтому так велико было недоуменное возмущение: хотя бы офицеров-то можно было познакомить с исторической справкой о стране противника. Сведений, находившихся в архивах и библиотеках, было предостаточно. Взять хотя бы памятную записку для московского посла в Пекине, составленную еще в XVII в. и толковавшую о том, что «за

китайским государством на востоке в окиане море от китайских рубежей верст с семьсот лежит остров зело велик, именем Иапония. И в том острове бОльшее богатство, нежели в китайском государстве, <...> люди свирепы суть» [13. С. 13]. Никто не стал и рядовому составу армии разьяснять, что солдат повезут сражаться «за девять тысяч верст, куда вела одноклейная дорога, не приспособленная для переброски военных сил, снаряжения и продовольствия» [7. С. 342].

Мобилизованные войска погрузили в вагоны, как скот, и отправили в неизвестность. Правда, надо отдать должное Николаю II: на всех пунктах отправления он появлялся лично и благословлял войска иконами, на что старый генерал Драгомиров откликнулся жестким комментарием: «Японцы нас бьют пушками, а мы их будем бить иконами» [Там же. С. 343]. Солдаты между собой тоже злословили по этому поводу. Великий князь Александр Михайлович – один из непосредственных виновников начавшейся войны – в своей «Книге воспоминаний» записал собственное впечатление от беседы с солдатами, призванными с Урала: «Три четверти солдат, которые должны были драться, только накануне узнали о существовании японцев. Им казалось непонятным оставлять родные места и рисковать своими жизнями в войне с народом, который не причинил им никакого непосредственного зла» [14. С. 179].

Для поднятия бодрости духа власти стали распространять в стране всевозможные небылицы о японцах, которых якобы неспроста нарекли «макаками», уверяли, что они не способны ни к какой самостоятельной творческой работе, что они «поголовно болеют “сонной болезнью”, засыпают в самый неожиданный момент» [7. С. 343; 10. С. 143]. Солидные газеты успокаивали общественное мнение тем, что Россия – могущественная держава, обладавшая сильнейшей в мире армией солдат-героев, руководимых образованным командованием, поэтому японцы непременно получат хороший урок от России.

Здесь необходимо внести ясность. Небылицы о населении Страны Восходящего Солнца, небрежно и впопыхах сочиненные для поддержания духа российской армии, категорически не соответствовали действительности, о чем свидетельствовали труды европейских и российских исследователей, в разное время познакомивших мир с Японией и ее народом. Например, итальянец-просветитель Алессандро Валиньяно отмечал особую культуру отношений между жителями этого островного государства: «Полагаю, – писал он в «Истории деятельности ордена иезуитов в Восточной Азии», – в мире нет народа, который относился бы к собственной чести более щепетильно, чем японцы. Они не терпят ни малейшего оскорбления, даже грубо сказанного слова <...>. Важные и трудные дела, которые могут вызвать гнев, возражение или спор, у них принято решать <...> только через третье лицо. Обычай этот настолько в ходу, что применяется

между отцами и детьми, между хозяевами и слугами и даже между мужьями и женами» [13. С. 90–91].

В известных российской интеллигенции «Записках флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах. С приобщением замечаний его о японском государстве и народе» (1816) было написано следующее: «Что касается до народного просвещения в Японии, то, сравнивая массою один целый народ с другим, японцы, по моему мнению, суть самый просвещенный народ во всей подсолнечной. В Японии нет человека, который бы не умел читать и писать» [Там же. С. 112]. «В обхождении, – отмечал капитан В.М. Головин, – японцы всякого состояния чрезвычайно учтивы: вежливость, с какой они обращаются между собой, показывает истинное просвещение сего народа» [Там же. С. 102]. Однако вежливые японцы бескомпромиссны, когда кто-либо нарушает базовые нормы взаимодействия – семейного ли, общественного или внешнеполитического. Тот же Головин в своих «Записках...» обстоятельно изложил, как миссионеры, прибывшие в Японию из Португалии, были изгнаны из страны императором Тейго, который «приметил, что иезуиты более заботились о собирании японского золота, нежели о спасении душ своей паствы <...>. Изгнанные из Японии миссионеры в свое оправдание и по ненависти к народу, не давшему им себя обмануть, представили японцев перед глазами европейцев народом хитрым, вероломным, неблагодарным, мстительным <...>. Европейцы все такие сказки, дышащие монашескою злобою, приняли за достоверную истину <...>. Но мне судьба предназначила в течение двадцатимесячного заключения в плену сего народа удостовериться в противном» [Там же. С. 22].

Пожалуй, точнее иных в поиске общенациональных констант, определяющих цели и принципы внутренней и внешней политики Японии, оказались преподобный Р.Б. Пири из Англии и немец Эрнст фон Гессе-Вартег. Первый в своих заметках, названных «Сущность Японии» (1867), изложил свой взгляд на чувство национальной гордости у жителей Страны Восходящего Солнца: «Японцы в массе имеют весьма ошибочное представление о том, что такое патриотизм. Я встречал немало людей, считающих, что любовь к Японии предопределяет ненависть ко всем другим странам, что нельзя быть преданным родине и в то же время восхищаться зарубежными государствами» [Там же. С. 184]. Эта тема для островного государства во все времена имела острую политическую актуальность, потому что императорская власть могла опереться только на преданность народа и на чудо-технику, способную защитить от внешнего врага. Вот почему Эрнст фон Гессе-Вартег, побывавший в Японии буквально накануне ее войны с Россией, написал в книге «Япония и японцы» (1904), что эта азиатская страна «усвоила себе наши новейшие изобретения и открытия, испытала все системы, какие она нашла в Европе, и применила их у себя не точно в таком виде, нет – она применила их настолько, насколько это нужно было для укрепления

ее сил. Она воспользовалась Европой как лестницей, по ступенькам которой взобралась на вершину Дальнего Востока» [13. С. 152].

Верховная власть Японии на протяжении столетий терпеливо и целенаправленно, отсекая всё несвойственное нации по духу, воспитывала поколение за поколением, обучая население «ловко направлять чужую силу для своей выгоды» [Там же], не отрекаясь от своеобразных правил. Все это работало на развитие самоидентичности нации, делало японцев во всех отношениях «противником доблестным» для любого врага [3. Т. 3. С. 107]. Со временем обнаружилось, что в сравнении с идеологиями других народов японский патриотизм оказался «осмысленным» вследствие более высокого уровня общего образования и специфического воспитания – не столько националистического, сколько целенаправленно ориентированного на традицию и генетическую память народа. Патриотизм такого рода явился итогом продуманного воспитательного процесса, который опирался на особенности уклада жизни островного населения, жившего по большей части изолированно от других народов, на всемерную поддержку сохранения памяти о подвигах национальных лидеров и героев, а также на систему военного обучения, смолоду приучавшего японцев «к закаливанию воли, развитию энергии, культивированию широкой инициативы» [Там же. С. 108].

Эти особенности патриотического воспитания, практикуемые в Стране Восходящего Солнца, были отмечены А.А. Керсновским, посвятившим свою короткую жизнь кропотливому изучению истории побед и поражений русской армии, начиная с петровских времен. По мнению этого ученого, в русско-японской войне воины островного государства хорошо знали, за что они воюют, а их патриотизм выражался «в пламенной любви к родине, готовности, не задумываясь, отдать свою жизнь для ее величия» [Там же]. Русскому солдату чувство истинного патриотизма тоже было знакомо, но в основном по рассказам о войне с Наполеоном в 1812 г. Однако наряду с этим существовало горькое осознание того, что «богатые – не мы», поскольку вот уже почти целый век императорская власть приказывала русскому солдату воевать на чужбине за непонятные и неизвестно чьи интересы. Офицерский корпус действующей царской армии был тоже не в лучшем положении, потому что «многочисленные временные уставы и “наставления” [18]80-х и [18]90-х годов не давали командирам никакой руководящей идеи. При таком недостатке тактического обучения <...> офицерский <...> состав – до старших начальников включительно – был со школьной скамьи воспитан на примерах пассивной доблести защитников Севастополя и Шипки. В напряженной боевой обстановке эти вошедшие в плоть и кровь “подсознательные рефлексы” пересиливали поверхностно усвоенный устав. Откуда – всегдашний отказ от инициативы в критический момент боя, упущение золотых возможностей, безнадежное “стоять до конца”, “обороняться до последнего

патрона”» [Там же. С. 107]. Но чтобы исполнять приказ «стоять насмерть» перед атакующими врагами, требовалось мужество самой высокой пробы, беспримерная стойкость и героизм всех обороняющихся – от командования до рядовых бойцов. Японцы – как профессионально обученные воины – это хорошо знали и не скрывали своего восхищения перед портартурцами после сдачи крепости: «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне <...>. Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!» [Там же. С. 109]

Однако отнюдь не в тактике боевых действий проявилось принципиальное отличие противников. С точки зрения военного историка А.А. Керсновского (а это было мнение не только одного его в России), дело оказалось в том, что «русская армия расплачивалась своей благородной кровью за неудачную политику своей страны» [Там же. С. 96], посылавшей мужественных сыновей в «карательные экспедиции» в подражание нормам колониального империализма Запада, чтобы огнем усмирять народы, дерзнувшие заявить о собственных интересах и праве жить по своим законам и обычаям. Взяв внешние формы таких кампаний за образец, Петербург перед всем миром обнаружил свое банкротство и как тактик, и как стратег: «вместо охоты на макак» на сопках Манчжурии он поневоле попал в положение участника крупномасштабных сражений «с перворядной военной державой» [Там же. С. 98]. Некритическое копирование опыта чужих стран не только подрывало международный авторитет России, выставляя ее чем-то вторичным по отношению к успешной Европе, – оно еще отнимало время и ресурсы на осуществление заведомо проигрышной стратегии. А.А. Керсновский считал, что начало процессу бестолкового копирования Запада следует искать в петровских реформах. Что касается Японии, то она тоже, как и Россия, была знакома с западной цивилизацией. «Однако, – отмечал Керсновский, – Мутсухито не повторил роковой ошибки Петра I. Он бережно отнесся к духовному лику своего народа, его самобытности, его древним обычаям и не насиловал его души слепым и варварским поклонением всему иностранному. Взяв от Европы цивилизацию, японцы сохранили свою культуру. Они ревниво отстаивали свое японское естество, свою духовную цельность и не уродовали их на голландский, французский или немецкий образец. В этом отношении преобразователя Японии следует поставить выше полтавского победителя» [Там же. С. 108].

Здесь следовало бы внести некоторые уточнения, касающиеся того, что основная масса населения и России, и Японии после знакомства с европейской цивилизацией осталась маловосприимчивой к чуждому влиянию Запада: народы обеих стран не торопились отказываться от национальных традиций и самобытной культуры, чего не скажешь об элите. В России почти сразу после петровских реформ произошло разделение населения на два народа – «граждан мира» (по выражению Н.М. Карамзина [15. С. 138]), которых Петр I бла-

гословил на роль авангарда империи, и «мужицкую Русь». Разделение это становилось чем дальше, тем очевиднее: уделом «лапотного быдла» явился черный труд и покорное исполнение приказов высокой элиты, а смыслом существования европеизированных господ сделались балы, салоны, театры, путешествия и политические дискуссии, толкавшие императорскую власть на социальные эксперименты. Образованные верхи мало интересовались консервацией всего исконного – главного элемента преданий старины глубокой, сохранявшего традиции и культуру нации. Новое знание в народную среду практически не попадало – не в последнюю очередь из-за крайне низкого уровня грамотности простонародья. Зато «граждане мира» строили свою жизнь на европейский лад. Проблема заключалась в том, что группа таких образованных «русских европейцев» составляла *не более 5% от общей численности населения империи* и уже в силу этого не могла оказывать сколько-нибудь существенное влияние на идеологическую жизнь действительного большинства подданных царя. Другой, не менее существенной, проблемой был *характер усвоения европейской культуры вестернизированным меньшинством населения России*; по этому поводу весьма жестко высказался еще в первой четверти XIX в. выдающийся русский философ-западник П.Я. Чаадаев, признававший: «Мы воспринимаем идеи в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли, и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы продвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели» [16. С. 28]. Естественным результатом такого *поверхностного и бессистемного усвоения доктринальных принципов политики* силами малочисленной группы, во многих отношениях изолированной от остальной социальной системы, стала **практически тотальная подмена общественного сознания** (т.е. системы социально-мировоззренческих установок статистического большинства населения страны) **общественным мнением** (иначе говоря, совокупностью эмоционально-психологических и мировоззренческих оценок текущих событий) *одной из привилегированных социальных групп*.

То же самое наблюдалось и в Японии после реформ Мэйдзи, когда либеральные круги правящей элиты посчитали, что пробил их час, и включились в борьбу за западный путь развития Страны Восходящего Солнца. Особую активность проявили молодые, но уже хорошо известные в империи люди, которые обучались в Англии, проявили большой интерес к идеям Лоренса Олифанта и Лейка Харриса, основавшего в 1860-х гг. утопическую коммуны «Братство общей жизни». Вернувшиеся в Японию «птенцы гнезда Олифанта» – государственный деятель, борец за конституционный строй Мори Аринори; писатель и педагог, открывший «школу западных наук», впоследствии первый президент Токийской Академии наук Фукудзава Юкити; дипло-

мат Хисанобу Самедзима и другие, – создали реформистское общество «Мейрокуся» и, отстаивая право нации на открытость новым идеям, провозглашали лозунги свободы, прогресса, цивилизации и просвещения, настаивали на вхождении Японии в мировое сообщество цивилизованных наций, для чего даже предлагалось отказаться от национального языка и иероглифического письма в пользу английского, и т.д. [17–19].

Однако пропаганда западного пути в Японии не получила развития вследствие того, что одним активистам этого движения пришлось подать в отставку, другим – отправиться в «почетную ссылку» послом, третьим – найти иные занятия для реализации недоюжных способностей. Политическое течение «Минкэн ундо», отличавшееся более умеренным западничеством при четкой ориентации на идеи либерального конституционализма, государственная власть тоже усмирила – либо арестами, либо понижением по службе, сопровождавшимся в дальнейшем жестким контролем за общественной жизнью в милитаристском стиле «сабельного режима». Этот режим был одной из особенностей политической культуры эпохи Мэйдзи и характеризовался тем, что абсолютно любой государственный служащий, вплоть до школьных учителей и почтальонов, приравнивался, в зависимости от своей должности, к армейскому офицеру или унтер-офицеру, приносил соответствующую присягу и в качестве обязательного атрибута служебного мундира имел меч, изначально после реформ оставленный лишь у профессиональных военных. Естественно, что при такой организации гражданских служб малейшее отклонение от политического курса императорского правительства рассматривалось либо как дисциплинарный проступок, либо как государственная измена, так что свободомыслие весьма большой общественной группы сводилось лишь к тому, в каком стиле и темпе представители этой группы исполняли распоряжения властей.

Представить, чтобы после этого оппозиция в Японии могла открыто критиковать императора, который к началу Русско-японской войны обладал исключительно широкими полномочиями, было просто невыносимо. А в России над Николаем II откровенно потешались:

Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима,
Наш царь – кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму – темно.

Наш царь – убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь – висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать – Ходынккой,
Тот кончит – встав на эшафот [20].

Общественные деятели тоже не стеснялись рисовать столь апокалиптические картины состояния российского государства, что казалось – царизм уже на краю гибели. И.И. Петрункевич, один из активнейших оппозиционеров императорской власти, писал: «Самообольщение от ожидаемых легких побед рассеялось, как дым, когда было получено известие, что броненосец “Петропавловск”, с главным командиром флота в Порт-Артуре, адмиралом Макаровым, 31 марта 1904 года, т.е. через два месяца после начала войны, японцами был пущен ко дну <...> За этой вестью следовали новые: о потоплении других кораблей портартурского флота и начавшейся осаде Порт-Артура, отрезанного со всех сторон от России <...> Развал армии, начавшийся в среде ее высшего командного состава, естественно стал распространяться в ее низших рядах, а после мукденского поражения и гибели всего флота в Цусимском проливе охватил всю армию, ставшую неспособной оказывать сопротивление врагу» [7. С. 343, 345]. По стране поползли слухи о провале японской кампании, и эта молва несла разногласия, усиливавшую тревожность в народных массах. Однако антиправительственная истерия не прибавляла чувства ответственности беспечным «паркетным генералам» из военного ведомства, зато стремительно умножала беспокойство в обществе.

К началу войны против полумиллиона японских «бойцов – молодых, отлично обученных, одушевленных фанатическим патриотизмом» и оснащенных 1 032 скорострельными орудиями [3. Т. 3. С. 54], Россия выставила всего 90 тысяч человек при 184 орудиях [Там же. С. 59], поэтому на перекрытие более чем пятикратного дефицита людских и технических ресурсов требовались сверхусилия. Проблему, как это обычно происходило в империи, попытались решить за счет торопливого привлечения дополнительных людей. «Из полков, оставшихся в России, отправились на войну добровольцами 40 000 солдат» [Там же. С. 104]. Остальных призывали из запасных «старших сроков» [Там же], но закрыть зияющую брешь нехватки рядового и младшего офицерского состава не удавалось. «Спешка, с которой велась мобилизация» [Там же], только подливала масла в огонь, потому что «отношение русского общества к армии и к офицеру было резко отрицательным и пренебрежительным. Генерал Ванновский, на склоне дней своих ставший министром народного просвещения, не находил ничего более умного, как отдавать в солдаты излишне шумных студентов. Нелепая эта мера сильно вредила армии, превращая ее в какое-то место ссылки, тюрьму, вредила и престижу военной службы в глазах страны, обращая почетный долг в отбывание наказания. К мундиру относились с презрением – “Поединок” Куприна служит памятником позорного отношения русского общества к своей армии. Военная служба считалась уделом недостойным: по господствовавшим в то время в интеллигенции понятиям, в “офицеришки” могли идти лишь фаты, тупицы или неудачники, культурный же человек

не мог приобщаться к “дикой военщине” – пережитку отсталых времен <...>. Не отбывавшая воинской повинности интеллигенция, совершенно незнакомая с военным бытом, полагала в начале XX в. казарму тюрьмой, а военную службу состоящей из одной лишь “прогонки сквозь строй”. Из более чем двухвековой и славной военной истории она удержала лишь одно – шпицрутены» [Там же. С. 150]. Убежденность, что в армию идут «только идиоты или неудачники» [Там же], пережила события и Русско-японской войны, и Первой мировой. Даже военный министр и руководитель Временного правительства А.Ф. Керенский сохранил в своем сознании уверенность, что «при царе солдат в бой гнали кнутами и пулеметами» [Там же. С. 152].

Хотя возбуждение массового недовольства властью внутри страны при помощи элективной критики должно было бы жестко пресекаться по законам военного времени, оппозиционная общественность тут же поднимала невообразимый шум по поводу запрета свободы слова и отвоевывала право продолжать свою деятельность, невзирая на разрушительные последствия экситативной пропаганды. 27 октября 1904 г. А.В. Богданович записала в своем дневнике: «Сегодня из Москвы нехорошие известия, что 1000 человек призывных такие там творили беспорядки, что пришлось прибегнуть к войскам для их усмирения» [21. С. 301]. А 22 мая 1905 г. дневниковая запись жены члена совета министра внутренних дел носила еще более тревожный характер: «Говорили, что Московский и Семеновский полки посылаются на Дальний Восток. Жаль посылать туда войска – прямо на убой. Рассказывают ужасы про матросов из запасных, что якобы они взбунтовались на нескольких судах, не хотели драться, что половину матросов на “Орле” пришлось перевязать. При таких условиях с такими матросами бой был невозможен. Командир “Орла”, Юнг, застрелился, старший офицер – тоже» [Там же. С. 350].

А.А. Богданов вполне мог быть свидетелем некоторых инцидентов подобного рода. Как врач он сделал вывод, что чрезмерное психологическое давление на людей может порождать лишь деструктивные реакции, а как практик-пропагандист пришел к убеждению, что назойливая критика существующих порядков не прибавляет понимания происходящих событий.

Тем не менее, пока русская армия и погибала на Дальнем Востоке, в самой России активизировались антимонархические силы – и то, как просвещенная оппозиция действовала, не оставляло сомнений, что немалая ее часть отнюдь не страдала любовью к Отечеству. Иначе невозможно оценить тот факт, что японским правительством во время войны было выделено около миллиона иен на финансирование наиболее активных противников царского режима через опытного разведчика Мотодзиро Акаси [1. С. 89–91]. Трибуной сторонников вооруженной борьбы с самодержавием стала эсеровская нелегальная газета «Революционная Россия». В феврале 1905 г. она предложила своим единомышленникам «от-

бросить “сомнения и предубеждения против всяких боевых средств” и немедленно использовать все виды вооруженной борьбы с правительством: от массового выступления с оружием в руках до “партизанско-террористической” борьбы “по всей линии” включительно» [Там же. С. 91]. Эсеры к тому времени уже почувствовали себя авангардом оппозиции и слов на ветер не бросали: они знали, о чем говорили. Еще в августе 1904 г. в Амстердаме на встрече Е.Ф. Азефа, Е.К. Брешко-Брешковской, Ф.В. Волховского, И.А. Рубановича и В.М. Чернова с лидерами Финляндской партии активного сопротивления эсеры получили заверения в том, что оружие для борьбы с правительством Николая II – не проблема: в любой момент найдутся деньги, и «финляндцы берутся снабдить оружием в каком угодно количестве» [Там же]. Среди тех, кто готов был «единым фронтом» выступить с агитацией за поражение России в войне и отделение национальных окраин от российской империи, были, кроме эсеров и финнов, еще и лидеры Польской социалистической партии, представители Бунда, Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. По сведениям департамента полиции, эсеры пытались договориться с социал-демократическими лидерами о «совместных террористических действиях» [Там же]. Однако меньшевики во главе с Плехановым были против терроризма.

Разброс мнений в среде оппозиции лишь отражал характер отношения к войне русского общества в целом – а оно было неоднородно. М.П. Бок, дочь П.А. Столыпина, писала о том, что сражения с японцами поначалу ничем не давали о себе знать – «ни лишениями, ни нарушением темпа жизни: жили мы, те, за которых страдали, боролись и умирали наши братья, так же буднично, сытно и спокойно, как и раньше» [22. С. 92–93]. Правда, раздражало, когда «демократические партии, обладая крупными денежными средствами, щедро травили их на издание своих газет и разбрасывание прокламаций» [Там же. С. 95]. И правда, один только одесский комитет РСДРП выпустил около 70 тыс. пропагандистских листов [23. С. 78].

Однако эффективность такой работы была сомнительной вследствие исключительно эксцитативного воздействия на массы. Пожалуй, из всей печатной продукции РСДРП заслуживала внимания информативностью и глубоким анализом лишь одна брошюра вице-лидера большевиков А.А. Богданова «Из-за чего война и чему она учит?». Работа Рядового (такой псевдоним избрал для себя автор) оказалась исследовательским трудом, где на базе статистических и исторических данных была продемонстрирована хищническая политика царизма и на мировой арене, и внутри страны.

Из особенностей начавшейся войны Богданов в своей брошюре отметил несколько главных:

1. Взаимным истреблением были заняты два ранее мирно соседствовавших народа.

2. Правительство скрывало от населения истинные масштабы потерь не только «в битвах от оружия», но и

«от болезней, холода, утомления и от изнурения при тяжелых переходах» [24. С. 3]. А потери эти на самом деле исчислялись десятками тысяч убитых и покалеченных.

3. Россия вступила в войну в условиях готовности других великих государств выступить на стороне Японии: в любой момент японцев мог поддержать Китай, не желавший забыть, как еще совсем недавно русские войска потопили в Благовещенске «ни за что, ни про что несколько тысяч мирных китайцев» [Там же. С. 4], и не смирившийся с тем, что Россия захватила Манчжурию; кроме того, Англия и Америка давно стремились «сокрушить на востоке могущество России» [Там же]. Это крайне беспокоило Германию и Францию, боявшихся усиления Англии и США. Словом, нельзя было поручиться, что в итоге «не вспыхнет пламя всесветной войны, страшного мирового пожара» [Там же].

4. Правительство тщательно скрывало также и истинные цели и причины начавшейся войны. А дело было в том, что поскольку «при бедности народной <...> товаров оказывалось “слишком много” для народного кармана» [Там же. С. 7], то капиталисты вынуждали правительство искать новые рынки для сбыта: «Они требуют таких рынков, которые служили бы для них одних, а иностранцы бы туда не допускались. Такими рынками могут быть только завоеванные страны» [Там же. С. 8], куда к тому же можно «нагнать <...> чиновников, полицию <...>, строить дороги <...>, церкви и тюрьмы» [Там же]. Жалование там дается «обязательно двойное-тройное, а воровать – сколько хочешь, никто не увидит» [Там же]. При строительстве Манчжурской дороги, например, служащие при месячном заработке в 75–100 рублей имели в короткий срок по 200 тысяч накоплений [Там же. С. 9].

У Японии для начала войны были свои причины: «Япония – государство маленькое, раз в 60 меньше России, а народу в ней 42 миллиона» [Там же]. Здесь промышленность развивалась быстро. Земельная теснота и нехватка рынков сбыта подталкивали Японию на войну с Китаем, но захватить удалось немного, так как Россия помешала: присвоила Манчжурию. А когда «протянула лапу к Корее» [Там же], это оказалось чрезмерным обстоятельством для терпения Японии, «и тут началась война» [Там же].

5. Оба правительства открыто вели дело к войне: японское создавало флот, покупало броненосцы на английских судостроительных верфях; русское продвигало войска к реке Ялу, но опоздало с готовностью из-за политической ситуации в стране. Рабочее движение стало опасной силой, крестьянин устал «переносить обирание, нищету и несправие» [Там же. С. 11], русское студенчество и просвещенная часть населения страны волновались; кроме того, возникла «преступная пропаганда» среди солдат и офицеров. Сколь великим был размах надвигающейся революции, говорили статистические данные министерства юстиции: за 1903 г. было арестовано и сослано по политическим делам в 4 раза больше народу, чем в 1902 г. [24. С. 12].

6. В целях морального давления на население правительство, начав войну, выдвинуло патриотический лозунг: все на войну с внешним врагом. Лейтмотивом газетных статей стал призыв: надо спасать отечество, «нехорошо затевать внутреннюю борьбу, когда угрожает общий враг; надо на время забыть старые счеты» [24. С. 12]. В противовес революционным стачкам и демонстрациям в разных городах устраивались манифестации с пением гимна «Боже, царя храни» и выкриками патриотических лозунгов.

Чтобы отвлечь внимание общества от революционной борьбы, затевались еврейские погромы, а газеты затем долго шумели о злодействах, учиненных над беззащитными людьми, ни в чем не повинными; в то же время почти ничего не сообщалось об антиправительственных выступлениях.

7. На войну власти надеялись как на мероприятие, дисциплинирующее армию, ибо «для солдат война – школа жестокости и слепого повиновения <...> Озверевший солдат куда удобнее для усмирения» [Там же. С. 14] на случай, если потребуются стрелять в своих же братьев-революционеров: он привычно выполнил бы приказ, как делал это на фронте.

8. Наконец, отмечал Богданов, война выкосит самую сильную и здоровую часть трудоспособного населения, так как на войну с Японией было призвано 400 тысяч войска, а «это – четыреста тысяч семей, на долгое время или навсегда потерявших кормильца-работника» [Там же]. Война, по осторожным расчетам специалистов, обошлась казне примерно в полтора миллиарда золотых рублей, а «голодать за это придется долгие годы чуть не всему народу» [Там же. С. 15].

Данные о злоупотреблениях властей, приведенные Богдановым в брошюре, свидетельствовали об отсутствии общественного контроля над деятельностью государственной власти. При огромном числе политических партий в России, при наличии либеральной прессы мало находилось охотников впутываться в опасный разоблачительный поединок с правительством. Вот и заменялась борьба за народное правление в России разговорами о «законности» и «патриотизме» в незаконном государстве, где «бюрократическое (чиновниче) управление обращается в управление воров и грабителей» [Там же. С. 19].

А.А. Богданов закончил свою работу разбором уроков, какие должно извлечь русское общество из Русско-японской войны:

- 1) без политических свобод невозможно держать под контролем управленческие функции правительства и правящих классов;
- 2) без признания авангардной роли пролетариата борьбу за эти политические свободы не выиграть;
- 3) без поддержки со стороны других угнетенных классов пролетариат не решит задач, возложенных на него историей.

Особую роль в достижении вышеназванных целей Богданов отводил российской социал-демократии: ей

необходимо стать разумным руководителем всей борьбы [Там же. С. 23–24].

Именно такой вариант пропагандистских разъяснений причин и уроков начала Русско-японской войны предложил вниманию революционных агитаторов для работы с массами А.А. Богданов, а его сподвижники предъявили «Искре» претензии в том, что «Центральный орган печати превратился в боевой орган “меньшинства” против “большинства” <...> В статьях против большинства и мысль, и страсть, и сила: во всех прочих статьях – вода и ни одной свежей мысли» [25. С. 24–25].

Казалось бы, для теоретиков-заграничников была дана Богдановым подсказка, как российской социал-демократии следует обозначить свою позицию, особенно в условиях, жестоко изменивших судьбу тысяч соотечественников. Александр Александрович ставил целью довести до руководства РСДРП мысль, что тактика возбуждения протестных настроений на фоне потерь и поражений выглядела кощунственной провокацией против собственной страны, поскольку в людях стремились разбудить неконтролируемое сознанием чувство мести, безнравственной из-за безадресности и самоубийственной по последствиям.

В связи с этим А.А. Богданов пытался обратить внимание вождей общественных движений на особую роль организаторов-лидеров. Она не только велика и ответственна, но еще и напрямую зависит от пропагандистско-организаторских способностей зовущего за собой. Пока лидеры политических партий не осознают, что организация новых форм общественной жизни достигается *не игрой мышления* [26. С. 62], а исключительно внедрением в практику тех норм целесообразности, которые «должны отнять у принудительных норм господство над социальной жизнью» [Там же. С. 63], они не смогут понять, почему деятельность всей российской оппозиции была провальной, в том числе в период Русско-японской войны. Конечно, по цензурным соображениям Богданов не мог даже упоминать об этих событиях. Но он продемонстрировал *силу организованного и слабость стихийного воздействия* на ход исторических событий. «Когда в столкновении двух армий солдат одной из них объединяет и ведет на бой принудительная сила долга, служебного и морального, а солдат другой – живое, непосредственное сознание общей цели в виде любви к родине <...>, – тогда мы знаем, которая из двух оказалась на деле организованнее и героичнее» [Там же. С. 72], – писал А.А. Богданов, стараясь убедить читателей в том, что стихийность процессов – не столь безобидное явление, если цена ему – тысячи жертв. К слову сказать, вооруженные силы Российской империи в войне с Японией терпели одно поражение за другим, пока бои велись на море – территории «чужой», где сознание коллективной цели проявлялось у участников сражений слабо; но тот же русский солдат, не имея организованного влияния со стороны, сам, полагаясь исключительно на им-

провизацию, сумел объединить свои усилия с другими и, как сказал бы в подобной ситуации А.А. Богданов, «сознавая себя интегральной частью великого целого» [26. С. 72], стоял насмерть в борьбе за неприкосновенность границ России. Здесь нормой целесообразности послужила верность традиции – та устойчивость, которая подобна «прочности камня».

Рассмотренная в статье история развития общественного сознания в ходе Русско-японской войны позволяет сделать недвусмысленный вывод, что любая идеологическая доктрина обречена оставаться детищем кабинетных теоретиков, пока не окажется интегрированной в систему ценностей, понятных каждому. Наиболее весомыми компонентами этой системы являются национальные традиции (понимаемые очень широ-

ко – от языка для общения и до глобальных мировоззренческих ориентиров) и жизненные интересы человека (также понимаемые очень широко – от базовых социальных потребностей до идеалов). Именно через них рядовой гражданин обретает уверенное знание того, к чему следует стремиться и какими способами этого добиваться, и любые новые идеи сопоставляются именно с этим уверенным знанием. Поэтому массовую поддержку может получить лишь та идеология, которая органично и непротиворечиво встраивается в национальную традицию, обеспечивая соразмерность полагаемых целей деятельности и средств к их достижению. Политическая сила, выстраивающая агитационно-пропагандистскую работу с населением на основе отмеченных закономерностей, естественным образом становится ведущей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М. : Вече, 2000. 576 с., ил.
2. Ольденбург С.Ф. Царствование императора Николая II. М. : Терра, 1992. 640 с.
3. Керсновский А.А. История русской армии : в 4 т. М. : Голос, 1992–1994.
4. Гессен И.И. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. 413 с.
5. Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М. : Современник, 1994. 445 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
7. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. 21. 411 с.
8. Шкаренков Л.К. История российской социал-демократии // Социальная демократия в России. Исторические аспекты. М.: [Б.и.], 1994. С. 58–71.
9. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов : в 3 кн. М. : ИЦ «АИРО-XX», 1995. Кн. 3. 243 с.
10. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М. : Воениздат, 1986. 752 с.
11. Шимозе // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 4 т. М. : Терра, 1997. Стб. 2077. Т. 4.
12. Сергеев П.Г. Взрывчатые и боевые отравляющие вещества // Популярно-техническая энциклопедия: Что, как и из чего делается / П.М. Лукьянов [и др.]; под ред. П.М. Лукьянова. М. : Л. : Госиздат, 1928. С. 187–205.
13. Овчинников В.В. Сакура и дуб. М. : Сов. Россия, 1983. 432 с., ил.
14. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М. : Современник, 1991. 271 с.
15. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М. : Гардарики, 2000. 574 с.
16. Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М. : Правда, 1991.
17. Япония (исторический очерк) // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1978. Т. 30. С. 520–521.
18. Фукудзава Юкити // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М. : Сов. Энциклопедия, 1978. Т. 28. С. 123.
19. Пчелинцев М., Гузман А. Примечания // Гибсон У., Стерлинг Б. Машина различий. Екатеринбург : У-Фактория, 2002. С. 573–574.
20. Бальмонт К.Д. Наш царь // Русская эпитафия. М. : Худ. лит., 1990. С. 236–237.
21. Богданович А.В. Три последних самодержца. М. : Новости, 1990. 608 с., ил.
22. Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М. : Товарищество «А.Н. Сьтин и К^о», 1992. 255 с.
23. Галерка (Ольминский М.С.). Орган без партии и партия без органа // Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. Женева: [Б.м.], 1905.
24. Рядовой (Богданов А.А.). Из-за чего война и чему она учит? Женева: [Б.м.], 1904. 25 с.
25. Галерка (Ольминский М.С.) Недоразумения рассеялись! // Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. Женева: [Б.м.], 1905. С. 24–32.
26. Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М. : Политиздат, 1990. 479 с.

Kupert Yuri V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Kupert@rambler.ru ; *Lutsenko Anton V.* Seversk Technological Institute of National Research Nuclear University “MEPhI” (Seversk, Russia). E-mail: fantom9@rambler.ru

THE ROLE OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN-JAPANESE WAR.

Keywords: Russian-Japanese war; revolution; social democracy; bolshevism.

This article is devoted to the social consciousness evolution and public agitational-propagandistic methods' transformations under influence of Russian-Japanese war in 1904–1905. The situation in the Russian economy and armed forces on the eve of war is considered, the role of «General Kuropatkin's economy» and the role of imperious elite conservatism in situation of unavailability of the Russian Empire to Far East war are analyzed. The history of occurrence of diplomatic contradictions between Russia and Japan at the beginning of XXth century and reflexion of these contradictions in public outlook of both countries are described. The special attention is given to comparison of ideological conditions of Russian and Japanese armies' staff before and during war. Influence of defeats of Russian armies on social ideology and, in particular, on the relation of citizens to the state power and military forces is characterised. The basic laws of social ideology causing a public susceptibility to political propaganda are estimated. It is noticed that the maximum chances of successful distribution in a society have the propaganda materials correlating with already existing ideology that does their clear for any potential supporter. The basic errors of the social movements oppositional to tsarism placing the basic emphasis on “excitative” propaganda and excitation of protest emotions instead of political world-view formation are analyzed. Article's authors analyze in details the original agitational-propagandistic technique developed by Alexander Bogdanov who worked at training of social-democratic party members for independent analysis of a political situation. Higher efficiency of long-term rationally conscious association of Party members' efforts based on A. Bogdanov's methods in comparison with short-term splash in protest emotions is estimated at traditional forms of “excitative” propaganda. The total conclusion of article specifies in necessity of accurate correlation between the ideological doctrine propagandised in a society and existing set of social and ideological values. The main elements of such set are the national traditions

known and clear to each citizen of the country. According to it, any new ideology will be popular so far as it can consistently be integrated into system of national traditions, adapting a society to historical calls. That political force which bases work with citizens of the country on these laws, naturally becomes the leading political force.

REFERENCES

1. Shishov, A.V. (2000) *Rossiya i Yaponiya. Istoriya voennykh konfliktov* [Russia and Japan. The history of military conflicts]. Moscow: Veche.
2. Oldenburg, S.F. (1992) *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Terra.
3. Kersnovskiy, A.A. (1992–1994) *Istoriya russkoy armii: v 4-kh t.* [History of the Russian army. In 4 vols]. Moscow: Golos.
4. Gessen, I.I. (1937) *V dvukh vekakh. Zhiznennyy otchet* [In two centuries. The life record]. In: *Arkhib russkoy revolyutsii* [Archives of the Russian Revolution]. Vol. 22. Berlin: I.I. Gessen.
5. Rambaud, A. (1994) *Zhivopisnaya istoriya drevney i novoy Rossii* [The picturesque history of ancient and modern Russia]. Translated from French by A. Mikhel'son. Moscow: Sovremennik.
6. Dal, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4-kh t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. In 4 vols]. Moscow: Progress, Univers.
7. Petrunkevich, I.I. (1934) *Iz zapisok obshchestvennogo deyatelya* [From the notes of a public figure]. In: *Arkhib russkoy revolyutsii* [Archives of the Russian Revolution]. Vol. 21. Berlin: I.I. Gessen.
8. Shkarenkov, L.K. (1994) *Istoriya rossiyskoy sotsial-demokratii* [The history of Russian Social-Democracy]. In: *Sotsial'naya demokratiya v Rossii. Istorieskie aspekty* [Social Democracy in Russia. Historical aspects]. Moscow: [s.n.]. pp. 58-71.
9. Bogdanov, A.A. (1995) *Desyatiletie otlucheniya ot marksizma* [A decade of excommunication from Marxism]. In: Bordyugov, G.A. (ed.) *Neizvestnyy Bogdanov: v 3-kh kn.* [The Unknown Bogdanov. In 3 Vol]. Book 3. Moscow: AIRO-XX.
10. Ignat'ev, A.A. (1986) *Pyat'desyat let v stroyu* [Fifty years in the ranks]. Moscow: Voenizdat.
11. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1997) *Malye entsiklopedicheskiy slovar': v 4-kh t.* [The Small Encyclopedic Dictionary. In 4 vols]. Vol. 4. Col. 2077. Moscow: Terra.
12. Sergeev, P.G. (1928) *Vzryvchatye i boevye otravlyayushchie veshchestva* [Explosives and chemical warfare agents]. In: Luk'yanov, P.M. (ed.) *Populyarno-tekhnicheskaya entsiklopediya: Chto, kak i iz chego delaetsya* [The Popular Technical Encyclopedia: What, how and of what are things done?]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. pp. 187-205.
13. Ovchinnikov, V.V. (1983) *Sakura i dub* [Sakura and oak]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
14. The Grand Duke Alexander Mikhailovich. (1991) *Kniga vospominaniy* [The Book of Memoirs]. Moscow: Sovremennik.
15. Utkin, A.I. (2000) *Rossiya i Zapad: istoriya tsivilizatsiy* [Russia and the West: The history of civilizations]. Moscow: Gardariki.
16. Chaadaev, P.Ya. (1991) *Izbrannye sochineniya i pis'ma* [Selected works and letters]. Moscow: Pravda.
17. Prokhorov, A.M. (ed.) (1978) *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 30. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. pp. 520-521
18. Prokhorov, A.M. (ed.) (1978) *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 28. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. p. 123
19. Pchelintsev, M. & Guzman, A. (2002) *Primechaniya* [Notes]. In: Gibson, W. & Sterling, B. *Mashina razlichiy* [The Difference Engine]. Translated from English by M. Pchelintsev. Ekaterinburg: U-Faktoriya. pp. 573-574.
20. Balmont, K.D. (1990) *Nash tsar'* [Our Tsar]. In: Vasiliev, V. (ed.) *Russkaya epigrama* [Russian epigram]. Moscow: Khudozhestvennaya literature. pp. 236-237.
21. Bogdanovich, A.V. (1990) *Tri poslednikh samoderzhtsa* [The last three of the autocrat]. Moscow: Novosti.
22. Bok, M.P. (1992) *Vospominaniya o moem ottse P.A. Stolypine* [Memories of my father P.A. Stolypin]. Moscow: A.N. Sytin i Ko.
23. Galerka (Olminskiy, M.S.). (1905) *Organ bez partii i partiya bez organa* [The body without the party and the party without the body]. In: Galerka (Olminskiy M.S.) & Ryadovoy (Bogdanov, A.A.). *Nashi nedorazumeniya* [Our misunderstanding]. Geneva [s.n.].
24. Ryadovoy (Bogdanov, A.A.). (1904) *Iz-za chego vojna i chemu ona uchit?* [What causes war and what are its lessons?]. Geneva [s.n.].
25. Galerka (Olminskiy, M.S.). (1905) *Nedorazumeniya rasseyalis'!* [Misunderstandings vanished!]. In: Galerka (Olminskiy M.S.) & Ryadovoy (Bogdanov, A.A.). *Nashi nedorazumeniya* [Our misunderstanding]. Geneva [s.n.]. pp. 24-32.
26. Bogdanov, A.A. (1990) *Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let* [Problems of socialism. Works of different years]. Moscow: Politizdat.